

Автор
МАКСИМ ЗОРИН

ЧЕБОЛЬ ПО ОБМЕНУ

От трактора
до Сеула —
и обратно
к счастью!

Две страны.
Две жизни.
Одна любовь.

Максим Зорин

Чеболь по обмену

<https://litres.ru/74655719>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Чеболь по обмену» — русско-корейская мистическая романтическая комедия о любви, способной преодолеть любые границы.

Россия, 1993 год. После загадочных аварий судьбы двух совершенно разных мужчин переплетаются невероятным образом. Богатый наследник корейской корпорации Кан Тэ Джун оказывается в теле простого деревенского парня Миши.

Вместо роскошного особняка — старый дом, вместо прислуги — куры, коровы и воинственный гусь. А рядом — Настя, девушка, которая даже не подозревает, что перед ней совершенно другой человек.

Сможет ли избалованный миллионер выжить в русской деревне, узнать настоящую любовь и найти дорогу домой? И что произойдёт, когда тайна обмена душами раскроется?

Юмор, мистика, семейные тайны, корейские интриги и любовь, ради которой стоит изменить свою судьбу.

Максим Зорин

Чеболь по обмену

ЧЕБОЛЬ ПО ОБМЕНУ

Русско-корейская мистическая романтическая комедия

Автор: Ольга Зорина

Роман в 24 главах

Авторское право

© Ольга Зорина, 2026

Все права защищены.

Любое воспроизведение, распространение, копирование или использование текста произведения полностью либо частично без согласия правообладателя запрещено, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

Все персонажи и события произведения являются художественным вымыслом. Любые совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

Произведение создано при творческом участии автора с использованием цифровых инструментов для литературной обработки и редактирования текста.

Посвящается моему любимому сыну Максиму

Ты не успел прочесть мои страницы,

Не знал, как много я ещё создам.

Но продолжают жить мои жар-птицы,

Их крылья я теперь тебе отдам.

В историях моих смеются люди,

Находят счастье, верят и мечтают.

Пусть всё, чего у нас уже не будет,

Герои на страницах обретают.

Я подарю им радость и надежду,

Любовь, которой не страшны года.

А ты, родной, останешься, как прежде,

В моём сердечке — раз и навсегда.

И если книга чьё-то сердце тронет,

Подарит свет среди житейских гроз,

Пусть каждый знает: в этих тихих строчках

Живёт любовь сильнее горьких слёз.

С бесконечной любовью, мама.

Россия и Южная Корея. 1993 год.

Глава 1. Утро, пахнущее сеном

Лето в деревне начиналось раньше солнца. Ещё лежал над огородами туман, а уже скрипели калитки, стучали вёдра у колодца и ругался на весь переулочок петух, которому, видно, никто не объяснил, что до рассвета можно поспать.

Настя вышла на крыльцо в стареньком платье, накинула кофту и босой ногой отодвинула кота от миски с молоком. Двор просыпался вместе с ней: куры толкались у сарая, лошадь Зорька нетерпеливо била копытом, а за забором соседка тётя Валя уже сообщала кому-то новости, которых ещё никто не успел узнать.

— Настька! Твой-то опять трактор под окнами бросил! — крикнула соседка. — Я ночью чуть не убилась об колесо!

— Он не мой трактор, тёть Валь. И Мишка пока тоже не совсем мой.

— А кольцо кто носит? Пушкин?

Настя невольно улыбнулась и посмотрела на тоненькое колечко. Миша купил его на деньги, заработанные на ремонте чужой техники. Сказал: «Вот заведём хозяйство, осенью свадьбу сыграем. Сначала сарай, потом дворец».

Слово «дворец» он произносил с таким видом, будто у него уже лежали в кармане ключи от настоящего дворца. Пока же они жили в небольшом доме, который достался Мише от бабушки. Крыша подтекала, половицы разговаривали громче людей, а печь дымила, когда ветер дул с поля.

Миша появился в воротах с мятым ведром и охапкой травы. Высокий, весёлый, с вечно растрёпанными волосами, он умел так улыбнуться, что Настя на минуту забывала все его обещания, которые ещё не сбылись.

— Хозяйка, принимай богатство! — объявил он и торжественно поставил ведро у крыльца.

— Это что?

— Гвозди. Для нового курятника. Почти даром достал.

— А доски?

— Доски будут. Главное — начать.

— Ты уже третий месяц начинаешь, Миш.

Он обнял её за плечи. Настя попыталась сердито отвернуться, но не удержалась и рассмеялась. В такие минуты будущее казалось простым: они заведут коров, купят ещё земли, будут продавать молоко и яйца на рынке. А потом родится ребёнок, и Миша наконец починит крышу.

— Сегодня в клубе танцы, — сказал он. — Пойдём?

— Если забор доделаешь.

— Всё ради любимой женщины!

Он сказал это громко, для всего двора. Настя не заметила, как быстро Миша отвёл глаза, когда у ворот остановилась незнакомая девушка на велосипеде.

Глава 2. Дискотека

К вечеру деревня словно переделалась. На лавочках обсуждали, кто в чём пойдёт, возле клуба ревели мотоциклы, а из открытых окон летела музыка с кассетного магнитофо-

на. Внутри пахло нагретой краской, духами и пылью. Под цветными лампочками кружились девушки в ярких лосинах, парни щеголяли в джинсовках и спортивных костюмах.

Настя пришла в голубой юбке, которую сама перешила из старого платья. Миша сказал, что она красивее всех. А потом ушёл «на пять минут» к друзьям.

Пять минут превратились в полчаса. Настя увидела его у окна: в руке стакан, рядом та самая девушка с велосипедом. Девушка смеялась, касалась его плеча. Миша что-то шепнул ей на ухо, и они поцеловались.

Настя не сразу поняла, что смотрит на них открыто. Музыка продолжала греметь, кто-то толкнул её локтем, у двери хохотали ребята. Только для неё всё вокруг вдруг стало тихим.

— Миша, — позвала она.

Он обернулся. На лице мелькнул испуг, но тут же сменился пьяной бравадой.

— Насть, ну чего ты? Мы просто танцуем.

— Я видела.

— Да брось. Не начинай при всех.

— Я и не начну.

Она сняла кольцо и положила на широкий подоконник. Миша потянулся к её руке, но промахнулся.

— Настя, завтра поговорим!

— Завтра ты протрезвеешь. А я, может быть, перестану ждать.

Она вышла из клуба. Дорога домой была знакома до каждой выбоины, но сейчас казалась бесконечной. За огородами стрекотали кузнечики, пахло пылью и ночной травой. Настя плакала молча, сердясь на себя за слёзы. Дома она зажгла свет, сняла праздничную юбку и села на край кровати. На столе лежал список покупок к свадьбе, написанный её рукой.

В клубе Миша ещё пытался веселиться. Потом вдруг увидел на подоконнике кольцо и долго вертел его в пальцах.

— Поехали, — сказал приятель Колька. — Утром разберёшься.

— Я к Насте. Извинюсь.

— Давай подвезу. Трактор у конторы стоит.

Они оба выпили. Ни один не должен был садиться за руль. Но Миша сунул кольцо в карман и пошёл за другом в темноту.

Глава 3. Две дороги

На просёлочной дороге трактор шёл неровно. Фары выхватывали из темноты то кусты, то край канавы. Колька что-то рассказывал, смеялся, а Миша думал о Насте: как она отвернулась, как сняла кольцо. Ему хотелось оказаться дома раньше неё, растопить печь, сказать что-нибудь правильное. Но правильных слов он не знал.

— Притормози, — сказал Миша. — Здесь поворот.

Друг махнул рукой. Колесо соскользнуло на мягкую обочину. Трактор резко качнулся. Раздался треск, и ночь оборвалась.

В то же самое время в Сеуле дождь бил по лобовому стеклу чёрного автомобиля. Кан Тэ Джун, двадцатидевятилетний наследник крупной компании, сидел сзади и смотрел на огни города. Он только что поссорился с отцом: тот снова говорил о выгодной женитьбе и семейном долге.

— Быстрее, — коротко сказал Тэ Джун водителю.

— Господин Кан, дорога скользкая.

Тэ Джун не ответил. Он привык, что его просьбы исполняют сразу. Телефон в автомобиле зазвонил, но он не потянулся к трубке. В следующий миг впереди вспыхнули чужие фары. Удар. Скрежет металла. Тишина.

Утром в сеульской больнице врачи боролись за жизнь Тэ Джуна. Он оставался в глубокой коме.

А в маленьком районном медпункте России человек с лицом Миши вдруг открыл глаза.

Над ним висела потрескавшаяся белая лампа. Из коридора доносились шаги и запах лекарств. Незнакомая женщина в халате наклонилась к нему.

— Миша? Слышишь меня?

Он медленно сел. Посмотрел на свои руки: широкие ладони, следы мазута под ногтями. Не его руки.

— Где я? — спросил он по-корейски.

Женщина отступила на шаг.

— Что ты говоришь, милоч?

Он повторил вопрос, потом вдруг услышал собственные слова по-русски. Язык был чужим и одновременно знако-

мым. В памяти вспыхнули чужие образы: деревянный дом, курятник, девушка с тёмными глазами, её голос: «Завтра ты протрезвеешь».

— Зеркало, — потребовал он.

— Тебе лежать надо.

— Дайте зеркало!

В маленьком зеркальце он увидел лицо молодого русского мужчины. Тэ Джун отшатнулся и едва не уронил его.

— Это невозможно...

За дверью послышались торопливые шаги. Настя пришла узнать, жив ли Миша. Она ещё не знала, что человек, который сейчас посмотрит на неё, помнит её жизнь — но сам никогда прежде её не встречал.

Глава 4. Чужой в собственном доме

Настя остановилась перед дверью палаты и долго не решалась войти. Всю ночь она повторяла себе, что больше не станет плакать из-за Миши. А утром прибежала соседка: трактор перевернулся, Кольку увезли в районную больницу, Миша едва дышит. Теперь всё, что случилось на дискотеке, казалось одновременно страшно важным и совершенно неважным.

— Заходи, девонька, — сказала медсестра. — Только не волнуй его. После такого удара человеку покой нужен.

Миша сидел на кровати и рассматривал алюминиевую ложку, словно видел её впервые. При появлении Насти он поднял глаза. Она ждала привычной улыбки, виноватого

подмигивания, хоть какого-нибудь «Насть, ну прости». Вместо этого он встал — слишком прямо, почти церемонно.

— Вы... Анастасия?

— А кто же ещё? — Настя застыла на пороге. — Миш, ты меня пугаешь.

Он узнал её из чужих воспоминаний: голубая юбка, кольцо на подоконнике, голос, дрожащий от обиды. Но сейчас перед ним стояла живая девушка с заплаканными глазами. И смотрела так, будто от его ответа зависело всё.

— Мне сообщили, что произошёл несчастный случай, — произнёс он осторожно.

— Тебе сообщили? Ты там был, Миша!

Тэ Джун замолчал. В Сеуле он привык требовать отчётов, задавать вопросы, принимать решения. Здесь каждое слово делало положение хуже. В голове шумело, а в памяти всплывали обрывки жизни другого человека: огород, контора, ржавая калитка, Настины руки в муке.

— Колька жив? — спросила она.

— Я не знаю.

— Врачи говорят, жив. Ногу сломал. А тебя словно кто-то уберёг...

Она села на табурет и наконец посмотрела ему в лицо по-настоящему.

— Ты хоть помнишь, что вчера сделал?

Он помнил. Не как собственный поступок — как чужой позор, оставленный ему в наследство.

— Помню, — ответил он.

— И что скажешь?

Тэ Джун привык извиняться только тогда, когда это было выгодно. Но сейчас перед ним была не деловая соперница и не журналистка. Настя просто ждала человеческого слова.

— Я сожалею, что причинил вам боль.

— Вам? — Она даже усмехнулась. — Миш, ты головой-то сильно ударился?

Медсестра заглянула в дверь и велела Насте выйти: пациенту требовалось наблюдение. Перед уходом Настя задержалась.

— Я тебя домой заберу, когда отпустят. Только не думай, что после этого у нас всё как прежде.

— Разумеется, — ответил он.

— Да что с тобой за слова такие! — вспыхнула она и ушла.

К вечеру врач, осмотрев Мишу ещё раз, разрешил ему вернуться домой при условии покоя и повторного осмотра, если усилятся головная боль или появится спутанность. Тэ Джун не спорил. Он уже понял, что объяснение «я наследник корейской корпорации, оказавшийся в чужом теле» не поможет ему получить ни телефон, ни билет в Сеул.

За окном медпункта стоял старенький «Москвич». Настя пришла с соседом дядей Гришей. Тот смерил Мишу взглядом и покачал головой:

— Повезло тебе, парень. Железяку потом соберём, а голову новую не купишь. Впредь за руль после бутылки не лезь.

— Я не управлял трактором, — сухо заметил Тэ Джун.

— О! Заговорил как прокурор. А кто рядом сидел, ангел?

Настя отвела глаза. Тэ Джун впервые за день не нашёлся с ответом.

Дорога тянулась между полями. Машину трясло на выбоинах, из приоткрытого окна пахло сеном и бензином. Тэ Джун смотрел на покосившиеся заборы, телеграфные столбы, коров у пруда. Ни одной вывески на английском, ни одного знакомого здания. В Сеуле он никогда не чувствовал себя настолько далеко от дома.

— А где ближайший международный аэропорт? — спросил он.

Дядя Гриша хохотнул:

— От нас? Далеко, Мишка. Ты сперва до райцентра без приключений доедь.

— Мне необходимо связаться с Южной Кореей.

Настя повернулась к нему:

— Зачем?

— Там моя семья.

В машине стало тихо. Дядя Гриша кашлянул и прибавил громкость радиоприёмника.

— Семья у него в Корее, — пробормотал он. — А я, стало быть, космонавт.

У калитки их уже ждала тётя Валя. Новости в деревне распространялись быстрее, чем машина дяди Гриши ехала по ухабам.

— Мишенька! — запричитала соседка. — Живой! А я уж думала, поминай как звали!

— Благодарю за участие, — сказал Тэ Джун и слегка поклонился.

Тётя Валя осеклась.

— Насть... Он чего это?

— Сама не знаю, — устало ответила Настя. — После больницы вежливый стал.

В доме Тэ Джун остановился посреди кухни. Низкий потолок, выцветшие занавески, стол, накрытый клеёнкой. У стены стояла печь. На подоконнике — банки с рассадой. В углу тикали часы, отставая на несколько минут.

— Здесь... живут люди? — вырвалось у него.

— Нет, Миш, здесь заседает правительство, — сказала Настя. — Снимай ботинки.

Он посмотрел на грязные подошвы, потом на пол.

— Где обслуживающий персонал?

Настя медленно поставила сумку.

— Кто?

— Люди, которые следят за домом.

— Вот они, — Настя показала на себя, потом на него. — Два человека. Правда, один из них до сих пор крышу не починил.

Снаружи раздался резкий гогот. Тэ Джун вздрогнул.

— Что это?

— Гуси. А что?

— Они всегда так кричат?

— Только когда видят подозрительных личностей.

Настя сказала это без улыбки, но Тэ Джун заметил, как дрогнули уголки её губ. Впервые за весь день ему захотелось рассмеяться. Он удержался.

Она поставила перед ним тарелку картошки и солёные огурцы.

— Ешь. Вчера ничего не ел, сегодня тоже. Потом ляжешь.

— У вас нет риса?

— Есть. В шкафу. Но я тебе сейчас картошку сварила.

— А кимчи?

— Чего?

Он закрыл глаза. Объяснять ферментированную капусту женщине, которая ещё вчера ждала от этого лица предложения руки и сердца, казалось безнадёжной задачей.

— Ничего. Спасибо.

Настя присела напротив. Её взгляд упал на его руки. Миша всегда ел торопливо, хватал хлеб прямо с доски, шутил с полным ртом. Этот человек осторожно вытер ложку салфеткой и только потом попробовал картошку.

— Ты и правда ничего не помнишь? — тихо спросила она.

— Я помню больше, чем хотел бы.

— Тогда скажи, где мы познакомились.

В голове Тэ Джуна вспыхнуло воспоминание: осенняя ярмарка, промокшие сапоги, девушка, которая смеялась над Мишиной неуклюжей попыткой продать старый велосипед.

Он произнёс:

— На ярмарке. Ты торговалась за велосипед, хотя покупать его не собиралась.

Настя побледнела. Это знали только они двое.

— Ну вот, — прошептала она. — Значит, память на месте.

Но она ошибалась. Память была на месте. Человек — нет.

Поздно вечером Настя постелила ему на диване. Сама ушла в маленькую комнату и закрыла дверь. Тэ Джун остался один. Он долго рассматривал фотографию на стене: Миша обнимал Настю на фоне цветущей яблони. Оба смеялись. Он не имел права на эту улыбку, на этот дом, на её надежду. И всё же теперь всё это окружало его.

Он подошёл к старому зеркалу в прихожей.

— Кан Тэ Джун, — сказал он тихо по-корейски. — Ты должен вернуться.

В ответ из-за стены послышался голос Насти:

— Миш, ты с кем разговариваешь?

Он замер.

— Ни с кем.

— Тогда спи. Завтра курятник доделаешь.

Тэ Джун медленно повернулся к двери.

— Какой ещё курятник?

За стеной Настя впервые за эти страшные сутки засмеялась — коротко, устало, почти против воли.

А на другом конце света, в палате сеульской больницы, прибор у кровати Кан Тэ Джуна продолжал отсчитывать ров-

ные удары сердца. Его мать сидела рядом, сжимая неподвижную руку сына. Она ещё не знала, что он проснулся. Только совсем не там, где его ждали.

Глава 5. Гуси против наследника

Россия. Тульская область. Лето 1993 года.

Петух заорал в половине пятого утра. Кан Тэ Джун открыл глаза. Сначала он решил, что сработала пожарная сигнализация. Потом услышал второй крик, ещё громче первого.

— Что за безобразие?!

За окном кто-то хлопнул калиткой. Послышался женский голос:

— Петька! Чтоб тебя лиса утащила! Дай людям поспать!

Петух ответил новым победным криком.

В Сеуле в это время Тэ Джун обычно спал в огромной спальне с плотными шторами. Здесь же по потолку ползала муха, а под диваном кто-то подозрительно шуршал. Он свесил ноги — и из-под дивана выскочила мышь.

— А-А-А!

Тэ Джун вскочил на диван вместе с одеялом. В комнату вбежала Настя.

— Миша! Что случилось?!

— Там животное!

— Мышка, что ли?

— МЫШЬ?! Она находилась в моей спальне!

— Миш, скажи честно. Ты вчера в больнице головой ещё раз не ударился?

— Я требую дезинфекцию!

— Господи, — Настя перекрестилась. — Раньше хоть слова нормальные говорил.

Она стукнула веником по полу: «Кыш отсюда!» Тэ Джун с ужасом наблюдал за ней.

— И всё?!

— А что тебе, оркестр вызывать?

К шести утра деревня проснулась. По улице прогрохотал трактор. Возле колодца собрались женщины с вёдрами. Где-то мычала корова, из соседнего двора доносился стук молотка.

На кухне пахло жареной картошкой. Настя стояла у плиты в стареньком домашнем платье, волосы были собраны в косу.

— Садись, завтракать будем.

— Мне нужен кофе.

— Чай есть.

— Кофе.

— Миш, кофе закончился ещё в мае.

— Тогда зелёный чай.

— Чёрный.

— Минеральная вода?

— Вон колодец. Хочешь — сходи.

— Вы предлагаете мне пить воду из земли?

— Нет, из телевизора! — не выдержала Настя.

Она поставила перед ним яичницу.

— А где бекон? — спросил он.

— У свиньи спроси.

Настя рассмеялась. Тэ Джун управлял огромными денежными средствами и привык, что желания исполняются немедленно. Здесь он не мог добиться даже чашки кофе.

После завтрака Настя вынесла ведро с зерном.

— Миш, покорми кур. Только гусей не выпускай.

— Почему?

— Потому что Гришка злой.

— Кто такой Гришка?

— Гусь.

— Вы дали гусю человеческое имя?

— А что, паспорт ему надо было выписать?

Тэ Джун открыл дверь сарая. Куры бросились наружу.

— Стойте! Немедленно вернитесь!

Птицы не подчинились. Из сарая медленно вышел огромный белый гусь. Он вытянул шею и зашипел.

— Не приближайся, — предупредил Тэ Джун.

Гусь расправил крылья и бросился на него. Через несколько секунд наследник корейской корпорации нёсся по двору, прижимая к груди пустое ведро. Он перепрыгнул через крыто, обогнул колодец и взобрался на перевёрнутое ведро у яблони.

— НАСТЯ! ОН ПЫТАЕТСЯ МЕНЯ УБИТЬ!

Настя выглянула из-за дома и согнулась от смеха.

— Гришка! А ну пошёл отсюда!

Гусь послушно отошёл.

— Это опасное животное. Его необходимо изолировать,

— заявил Тэ Джун.

— Ой, не могу... Ты же сам его с гусят вырастил!

— Я?

— Ты. Ещё говорил, что он тебя одного слушается.

Гусь снова повернул голову. Тэ Джун отступил за Настю.

— Очевидно, наши отношения изменились.

К обеду о происшествии знала половина деревни. Первой пришла тётя Валя — круглолицая женщина в цветастом халате и платке.

— Насть! А правда, что твой Мишка от гуся на дерево залез?

— На ведро, тётъ Валь.

— Ну это ещё хуже!

Из дома вышел Тэ Джун.

— Добрый день, уважаемая госпожа.

Тётя Валя перестала смеяться.

— Чего?

Он слегка поклонился.

— Насть, а он точно Мишка? Чего кланяется?

— Не знаю, — призналась Настя.

— Мишенька, ты меня узнаёшь?

В чужих воспоминаниях всплыло, как эта женщина ругалась из-за кур на грядках.

— Разумеется. Вы наша соседка Валентина.

— Валентина?! Да ты меня с пяти лет тётъ Валею зовёшь!

— Прошу прощения.

— Насть, надо его к врачу обратно везти. Это не к добру.

После обеда пришла бабушка Насти, Анна Степановна. Семьдесят два года, сухонькая, с внимательными серыми глазами. Всю жизнь она прожила в деревне и пережила столько бед, что удивить её было непросто.

— Ну, где наш покойник воскресший?

— Бабуль! — возмутилась Настя.

— А что? Вчера вся деревня думала, что помер, сегодня уже с гусями воюет.

Бабушка подошла к Тэ Джуну, внимательно посмотрела ему в глаза.

— Голова болит?

— Немного.

— Сны снятся?

— Да.

— Какие?

— Мне снится Сеул.

— Чего?

— Город в Южной Корее.

Анна Степановна прищурилась. Затем спросила, чем огрела Мишу в прошлом году, когда он трактором снёс её калитку.

— Метлой, — ответил Тэ Джун, найдя нужный обрывок памяти.

— Ну, память-то у тебя есть. Только Мишка наш никого

не благодарил. Он больше шутил да зубы заговаривал.

Она попросила Настю поставить чайник. Когда та ушла, бабушка спросила тихо:

— Кто ты такой, милоч?

— Что вы имеете в виду?

— Лицо Мишкино. Голос Мишкин. А глаза чужие.

— После аварии люди меняются.

— Меняются, — согласилась бабушка. — Только не за одну ночь так, чтобы всю жизнь свою забыть.

Она помолчала.

— Настеньку мою не обижай. Она девка добрая. Только судьба её не баловала.

— Я не собираюсь причинять ей вред.

— Вот и хорошо. А насчёт того, кто ты... Время покажет.

Вечером Настя вернулась от колодца с двумя вёдрами воды. Тэ Джун сидел на крыльце и разбирался со старым радиоприёмником. Он уже выяснил, что телефон есть только у немногих жителей, мобильных телефонов и интернета здесь нет. Для человека, привыкшего получать информацию немедленно, это было настоящей катастрофой.

— Почему вы всё делаете самостоятельно? — спросил он.

— А кто за меня делать будет?

— Можно нанять работников.

— Миш, ты хоть знаешь, сколько нам за молоко должны?

Она присела рядом.

— Мы ведь с тобой хотели хозяйство своё открыть. Землю

оформить, коров купить. Ты говорил, что будем работать на себя. А потом ты на дискотеке...

Она не договорила. Тэ Джун посмотрел на её красные от воды руки, с маленькими царапинами. В его прежнем мире женщины носили дорогие украшения. Настя мечтала о корове. И почему-то эта мечта не показалась ему смешной.

— Почему вы хотите заниматься фермерством?

— Потому что хочется своё дело. Чтобы не ждать, когда кто-нибудь зарплату выдаст. Чтобы дом построить, детей растить... Ты ведь сам говорил, что у нас будет трое.

— Трое кого?!

— Детей, Миш! Два мальчика и девочка.

— Мне необходимо прогуляться, — произнёс он, поднимаясь.

— Только к Гришке не подходи!

Тэ Джун вышел за калитку. Солнце опускалось за поля. По дороге возвращалось стадо коров. Возле магазина мужчины обсуждали цены на бензин.

«Я должен вернуться в Сеул. Найти посольство. Связаться с семьёй».

Но как? У него не было документов Кан Тэ Джуна. В кармане лежал паспорт Михаила. Кто поверит деревенскому парню, утверждающему, что он наследник корейской корпорации?

У пруда он посмотрел на своё отражение. Чужое лицо. Чужая жизнь. Чужая невеста.

— Что я здесь делаю?.. — прошептал он по-корейски.

— Мишка!

К нему подошёл Серёга, парень в спортивном костюме, с сигаретой за ухом.

— Здорово, братан! С того света вернулся! Мужики вечером собираются. По маленькой выпьем, за твоё второе рождение!

— Я не употребляю алкоголь.

Серёга застыл.

— Ты точно живой?

Когда Тэ Джун вернулся, Настя сидела на крыльце со старой тетрадью на коленях.

— Где ходил?

— Осматривал местность.

— Ну и как местность?

— Требуется значительных инвестиций.

— Чего требует?

— Денег.

— А-а-а! Ну это я и без тебя знаю.

В тетради были записаны суммы: корм, семена, ремонт трактора, продажа молока, долги. Он начал считать.

— Почему вы продаёте молоко так дёшево?

— А кто дороже возьмёт?

— Нужно найти других покупателей. В городе.

— Ты сначала машину почини, бизнесмен.

— Я могу составить план развития хозяйства.

Настя улыбнулась.

— Мишка, если после аварии ты перестал пить и начал думать о работе, может, тебя и правда кто-то сверху пожалел.

Она осторожно положила голову ему на плечо. Он замер. Настя просто устала, и ей хотелось побыть рядом с человеком, которого она считала любимым.

Тэ Джун хотел отстраниться, сказать, что она ошибается. Что он не тот, кого она ждала. Но почему-то не смог.

Поздно ночью Анна Степановна сидела у окна с чашкой остывшего чая. Она вспоминала Мишин взгляд — не испуганный, не больной. Чужой.

— Чудеса какие-то, — произнесла старушка.

А в далёком Сеуле, в больничной палате, мать Кан Тэ Джун держала сына за руку.

— Тэ Джун, сынок, если ты меня слышишь, вернись.

Молодой мужчина лежал неподвижно. Врачи говорили, что надежда есть. Но никто не мог объяснить, почему он не приходит в сознание.

За тысячи километров оттуда человек с душой её сына впервые уснул под шум деревенского дождя, не думая о деньгах и власти. Он ещё не подозревал, что простая девушка по имени Настя однажды станет для него дороже целой империи.

Глава 6. Председатель, коровы и корейский бизнесмен

Россия. Тульская область. Лето 1993 года.

Утро больших планов

В половине шестого утра Кан Тэ Джун сидел за кухонным столом и составлял бизнес-план. Перед ним лежали старая школьная тетрадь, огрызок карандаша и Настины записи о хозяйстве. За окном кричали петухи. На плите кипел чайник.

Он начертил таблицу: расходы, доходы, производительность, рынок сбыта. В Сеуле подобными расчётами занимался целый финансовый отдел. Здесь же у него были куры, гуси, старый сарай и женщина, которая считала его сумасшедшим.

В кухню вошла Настя — босиком, в длинной ночной рубашке, с растрёпанными волосами.

— Миш, ты чего не спишь?

— Работаю.

— В пять утра?

— Уже почти шесть.

— Господи... Раньше тебя до обеда с кровати не поднимешь, а теперь ты раньше петухов встаёшь. Чего пишешь?

— План развития нашего предприятия.

— Какого предприятия?

— Фермерского.

Настя заглянула в тетрадь: «Оптимизация расходов», «Рентабельность», «Инвестиции».

— Миш, а ты точно в больнице лежал, а не в институте учился?

— Для этого не обязательно учиться в институте.

— Конечно. Особенно если ты школу еле закончил.

Он объяснил, что молоко выгоднее продавать в городе, минуя перекупщиков.

— Ну это мы и сами знаем. Только на чём возить?

— Приобретём автомобиль.

— На какие деньги?

— Возьмём кредит.

Настя расхохоталась:

— Мишка! Да нам в магазине сахар в долг не дают!

— Почему?

— Потому что ты с прошлого месяца за бутылку не расплатился!

В Корее его фамилия открывала двери банков. Здесь фамилия Михаила вызывала у продавщицы желание спрятать долговую тетрадку.

Великий поход к председателю

К девяти утра Тэ Джун надел чистую рубашку, старый пиджак без пуговицы и спортивные штаны.

— Миш, ты куда собрался? — спросила Настя.

— На деловую встречу с руководителем сельскохозяйственного предприятия.

— К председателю, что ли? А чего вырядился?

— Деловой этикет.

— Миш, у тебя штаны от спортивного костюма.

— Других нет?

— Есть. Только ты их на дискотеке порвал.

Настя попросила его не ругаться с Иваном Петровичем: в прошлый раз Миша загнал председательский трактор в канаву.

Правление бывшего колхоза находилось в старом двухэтажном здании. В коридоре пахло краской, бумагой и табачным дымом. Секретарша Зинаида Павловна удивлённо пропустила Мишу в кабинет.

За столом сидел крупный усатый Иван Петрович.

— А-а-а... Явился. Чего надо?

— Я хотел бы обсудить перспективы сотрудничества.

— Чего?! Мишка, ты пьяный?

— Нет.

— Тогда садись. Послушаю.

Тэ Джун рассказал о молочной продукции, новых рабочих местах и поставках в город.

— Зина! Иди сюда! — крикнул председатель. — Послушай нашего Мишку! Он теперь молочный завод открывать собрался!

— Миш, а ты трактор-то починил? — спросила секретарша.

— Это отдельный вопрос.

— Ну вот сначала отдельный вопрос реши!

Тэ Джун сжал кулаки. В Сеуле никто не смеялся над его деловыми предложениями. Но он заставил себя успокоиться.

— Иван Петрович, я подготовлю расчёты, а вы их изучите.

Если проект окажется невыгодным, больше не будем тратить ваше время.

Председатель перестал улыбаться.

— А знаешь что, парень... Принеси расчёты. Только по-русски напиши, сколько денег надо, сколько молока получишь и кому продашь. И трактор почини!

Деревенские новости

У магазина уже стояли тётя Валя, продавщица Люба и ещё две женщины.

— Ой, Мишенька! А мы тебя как раз обсуждаем!

— По какому вопросу?

Женщины переглянулись.

— Да по всякому.

— Если у вас есть претензии, я готов их выслушать.

Люба прыснула со смеху.

— Валя, ты слышала? Претензии!

— Мишка, ты чего такой важный стал? Тебя в больнице на начальника выучили?

— Я всегда был таким.

— Ой, не смеши! Ты ещё на прошлой неделе у меня огурцы через забор таскал!

Тэ Джун почувствовал, что начинает ненавидеть биографию Михаила. Каждый новый знакомый сообщал ему очередной позорный факт.

— Всего доброго, — произнёс он, поклонился и ушёл.

— Девки, а он ведь правда изменился, — сказала Люба.

— Ага. Раньше балбес балбесом. А теперь будто министр приехал, — ответила тётя Валя.

Настя и неожиданный гость

Настя развешивала бельё, когда у калитки остановился высокий парень в джинсовой куртке.

— Настюха!

— Андрей! Ты когда приехал?

Это был её школьный друг, уехавший работать водителем в Тулу. Он помог ей донести тяжёлое ведро.

В этот момент вошёл Тэ Джун.

— Добрый день.

— Здорово, Мишаня! — Андрей протянул руку.

— Мы знакомы?

— Ты чего? Вместе в школе учились!

— После аварии у него с памятью странности, — пояснила Настя.

Андрей предложил привезти что-нибудь из города.

— Спасибо, Андрюш.

Тэ Джуну не понравилось, как тепло она произнесла имя.

— Благодарю за помощь. Дальше мы справимся самостоятельно.

Когда Андрей ушёл, Настя спросила:

— Чего ты такой надутый?

— Я не надутый. Кто этот человек?

— Андрей. Друг мой школьный.

— Очень близкий друг?

— А тебе-то что? Мишка! Ты что, ревнуешь?

— Это абсурд.

— А вот и хорошо. После той дискотеки ты мне вообще ничего предъявлять не можешь.

Тэ Джун остался во дворе. «Ревную? Я? К деревенской девушке?» Но почему-то ему хотелось узнать, как давно Андрей знаком с Настей.

Первая серьёзная ссора

Вечером Настя увидела новые расчёты: грузовой транспорт, расширение поголовья, торговая сеть.

— Миш, ты хоть понимаешь, что у нас денег нет?

— Деньги можно привлечь. Найти инвестора.

— Какого инвестора? Ты мне лучше скажи, чем завтра кур кормить будем!

— Нужно мыслить стратегически.

— Да хватит уже своими словами умными бросаться! Ты думаешь, я не хочу ферму? Я каждый день об этом думаю! Только я с утра до ночи работаю, а ты сидишь и бумажки рисуешь!

— Я пытаюсь улучшить наше положение.

— Наше?! А когда ты на дискотеке с той девкой целовался, ты тоже наше положение улучшал?

Он опустил взгляд.

— Я уже извинился.

— Ты извинился так, будто я тебе чужая! Ты на меня даже не смотришь, как раньше. Не обнимаешь. Не целуешь. Раз-

говариваешь так, будто мы едва знакомы.

Она была права. Он не имел права притворяться её женихом.

— Возможно, после аварии я действительно стал другим. Мне нужно время.

Настя вытерла слезу.

— Иногда мне кажется, что мой Миша умер в ту ночь.

Тэ Джун побледнел. Настя ушла в спальню и закрыла дверь. Цифры на столе вдруг перестали иметь значение.

Бабушка знает больше, чем говорит

Поздно вечером постучала Анна Степановна.

— Настя дома?

— Да. Спит.

— Тогда с тобой поговорю.

Она присела на лавку.

— Ты её любишь?

— Это сложный вопрос.

— Для тебя, может, и сложный. А для неё простой. Она ведь тебя с семнадцати лет любит. Столько всего простила.

— Почему?

— Потому что сердце у неё такое. Дурацкое, доброе.

Бабушка поднялась.

— Чужую любовь брать легко. А вот отвечать за неё трудно. Не знаю, что с тобой после аварии приключилось. Но Настеньку мою не обманывай.

Далёкий Сеул

В Южной Корее в кабинете председателя корпорации «Кан Групп» шло закрытое совещание. Кан Ён Сок, отец Тэ Джуна, спрашивал помощника о сыне. Состояние оставалось без изменений, врачи не давали определённого прогноза.

Младший брат председателя, Кан Мин Сок, осторожно предложил временно передать полномочия Тэ Джуна другому человеку.

— Мой сын жив, — холодно ответил Кан Ён Сок.

— Разумеется. Но бизнес не может ждать бесконечно.

— Пока я председатель, решения буду принимать я.

После совещания Мин Сок велел помощнику выяснить, что полиция обнаружила на месте аварии.

— Особенно меня интересует водитель грузовика.

— Почему именно он?

— Потому что некоторые случайности слишком дорого обходятся нашей семье.

Ночь признаний

В деревне давно погасли окна. Настя не спала и слышала за стеной незнакомую речь.

Тэ Джун стоял у окна и говорил по-корейски:

— Отец... Мама... Если вы меня слышите, я жив. Я обязательно вернусь.

— Миш... Ты с кем разговариваешь?

— Сам с собой.

— Это какой язык?

— Корейский.

— Откуда ты его знаешь? Ты ведь раньше даже по-английски двух слов связать не мог.

Он долго молчал.

— Настя... Если я расскажу тебе правду, ты мне не пове-
ришь.

— Какую правду?

— Дело в том, что...

За окном раздался крик:

— МИШКА! НАСТЯ! ОТКРЫВАЙТЕ!

В калитку отчаянно стучала тётя Валя.

— Насть! Беда!

— Что случилось?!

— ФЕРМА ГОРИТ!

Тэ Джун и Настя переглянулись. Над дальним концом де-
ревни поднималось красное зарево.

Глава 7. Огонь, который всё изменил

Россия. Тульская область. Лето 1993 года.

Ночной переполох

— ФЕРМА ГОРИТ! ЛЮДИ, ПОМОГИТЕ!

Тётя Валя так колотила в калитку, что казалось, ещё
немного — и та слетит с петель.

Настя выбежала на крыльцо, на ходу натягивая кофту.

— Тётъ Валь, какая ферма?!

— Старая! За прудом! Там коровы! Скотина вся внутри!
Над деревней поднималось красное зарево. Где-то истош-

но лаяли собаки. По улице уже бежали мужчины с вёдрами и лопатами.

Тэ Джун вышел следом.

— Где ближайшая пожарная часть?

— В райцентре!

— Сколько километров?

— Да кто ж сейчас считать будет?!

Настя бросилась к калитке. Тэ Джун схватил её за руку.

— Стой!

— Пусти! Там животные!

— Ты не пойдёшь внутрь горящего здания.

— Миша, не командуй!

Она вырвала руку и побежала. Тэ Джун выругался по-корейски и бросился следом.

Огонь за прудом

Старая ферма стояла на окраине деревни. Длинное кирпичное здание с деревянной крышей, построенное ещё в советские времена, теперь использовалось лишь частично. В

одном крыле держали коров, в другом хранили сено и старый инвентарь.

Горела крыша над сеновалом. Огонь быстро перебирался по сухим деревянным балкам. Возле ворот метались люди.

— Воды! Несите воду!

— Где пожарные?!

— Вызвали!

— Да пока они доедут, тут одни стены останутся!

Иван Петрович, председатель, стоял посреди двора в расстёгнутой рубашке.

— Мужики! Ворота открывайте! Скотину выводить надо!

Но коровы, испуганные дымом и криками, не хотели выходить.

— Иван Петрович, сколько там коров?! — спросила Настя.

— Двенадцать! Четырёх вывели, остальные внутри!

— А телята?

— В дальнем загоне...

Настя бросилась к воротам. Тэ Джун догнал её.

— Я сказал, туда нельзя!

— Там телята!

— Я слышал!

— Тогда помогай!

Он посмотрел на горящее здание. В Сеуле ему приходилось принимать решения, от которых зависели миллионы долларов. Но никогда ещё он не стоял перед выбором, от которого зависели живые существа, задыхающиеся в дыму.

— Где второй выход? — резко спросил он.

— Какой выход?

— У здания должен быть второй выход!

— Сзади ворота старые! Заколочены!

Тэ Джун посмотрел на двух мужчин с ломami.

— Открывайте их! Немедленно! Людей от крыши убрать! Она может обрушиться! Воду подавайте к воротам, а не лейте куда попало!

— Ты чего раскомандовался?! — крикнул кто-то.

— Потому что вы теряете время!

— Делайте, что говорит! Чего встали?! — рывкнул председатель.

Настя

Настя знала эту ферму с детства. Когда-то здесь работала её мать. Сама Настя ещё школьницей помогала дояркам, носила воду, чистила кормушки. Она знала, где находятся стойла, какие коровы спокойные, а какие могут ударить копытом.

Прикрыв рот мокрым платком, она подошла к воротам.

— Зорька! Зоренька, иди сюда!

Из дыма показалась рыжая корова. Настя осторожно взяла её за недоуздок.

— Ну, хорошая моя, пойдём... Пойдём, девочка...

Животное дрожало, упиралось копытами. Сзади послышался треск. С потолка посыпались искры.

— НАСТЯ!

Тэ Джун схватил её за плечо и потянул к выходу.

— Я почти вывела!

— Крыша сейчас рухнет!

Вместе они вывели корову во двор. Тэ Джун закашлялся. Глаза слезились от дыма. Настя попыталась снова войти. Он преградил ей дорогу.

— Нет.

— Миша!

— Нет, Настя! Я знаю, что ты хочешь помочь. Но если ты погибнешь, кого это спасёт?!

Из здания донёсся тонкий жалобный звук. Телята.

— Господи... Там же маленькие... — прошептала Настя.
Последний телёнок

Когда задние ворота наконец распахнулись, из здания повалил густой дым. Мужчины вывели ещё нескольких коров. Один телёнок выбежал сам, второго вытолкнули наружу двое работников. Но третий остался внутри.

— Там маленький чёрный! — закричала доярка Мария.
— Он в углу привязан!

— Никому не входить! — крикнул председатель.

Настя плакала.

— Он же там сгорит...

Тэ Джун вспомнил Сеул. Стеклянную переговорную и слова директора: «Если мы закроем завод, триста человек потеряют работу». Тогда он ответил: «Это не моя проблема». А сейчас за деревянной перегородкой плакал телёнок. И почему-то это стало его проблемой.

— Дайте мокрую ткань!

— Ты что задумал?! — Настя схватила его за руку.

— Только посмотрю, можно ли добраться с этой стороны.

— Нет! Миша, не надо!

— Я не собираюсь умирать второй раз.

— Что?.. — Настя застыла.

Тэ Джун пригнулся у заднего проёма. Сквозь дым он увидел телёнка у перегородки. Верёвка натянулась, животное металось. Один из работников протянул ему длинный багор.

— Попробуй верёвку подцепить!

Тэ Джун зацепил багром деревянную перекладину. Она не поддавалась.

— Ещё раз!

Они потянули вдвоём. Дерево затрещало. Перекладина выломалась, и телёнок рванул к свету. Мужчины подхватили его у выхода. Тэ Джун отступил. В ту же секунду внутри с грохотом рухнула часть потолка.

— МИША! — закричала Настя.

Он упал на колени от толчка горячего воздуха. Кто-то схватил его под руки и оттащил от ворот. Тэ Джун закашлялся. Настя прижала его голову к себе.

— Дурак! Какой же ты дурак!

— Телёнок?

— Живой! Все живые! А ты меня чуть с ума не свёл!

После пожара

Пожарные приехали, когда крыша одного крыла уже обрушилась. До рассвета люди помогали тушить остатки огня, отводили животных и разбирали уцелевший инвентарь. Несколько коров временно разместили по соседским двора́м.

Тэ Джун сидел на перевёрнутом ящике. Его лицо было чёрным от копоти, на ладони краснел ожог. Настя принесла воду.

— Пей.

— Спасибо.

Они молчали.

— Я думала, ты погибнешь, — сказала Настя.

— Я тоже.

— Ты испугался?

— Очень.

— А я думала, ты у нас герой.

— Герои, вероятно, тоже испытывают страх.

— Ох, Мишка... Даже после пожара умничаешь.
Она осторожно взяла его руку.

— Больно?

— Терпимо.

— Надо врачу показать.

— Согласен.

— Согласен? Раньше тебя к врачу только силой можно было затащить.

— Значит, я становлюсь разумнее.

Она не отпустила его руку. И он впервые не попытался отстраниться.

Председатель меняет мнение

Иван Петрович подошёл к ним. Он выглядел постаревшим на десять лет.

— Ну что, Мишка, живой?

— Пока да.

— Спасибо тебе. За то, что людей организовал. Если бы не задние ворота, скотины больше потеряли бы. Я ведь тебя раньше за пустобрёха держал.

— У вас были основания.

Председатель рассмеялся.

— Вот это точно! Слушай, Миш. Ты вчера про фермерство говорил. Принеси свои расчёты. Посмотрим.

— Я подготовлю подробное предложение.

— Только без этих твоих «инвестиций» через каждое слово! И ещё: если землю возьмёшь, не думай, что всё легко будет. Земля ошибок не прощает.

— Я понимаю.

— Нет, Мишка. Пока не понимаешь. Но, может, научишься.

Деревенская слава

К полудню вся деревня обсуждала пожар. Тётя Валя стояла возле магазина и рассказывала уже пятую версию событий.

— А я вам говорю, девки! Мишка прямо в огонь пошёл!

— Да не в огонь, Валя, — поправила продавщица Люба.
— Он возле задних ворот был.

— А ты там стояла?!

— Стояла!

— Ну вот и молчи! Я от Насти слышала!

— Так Настя сама плакала, ничего не видела!
Возле магазина остановился Серёга.

— Чего обсуждаете?

— Мишку! Он телёнка спас!

— Наш Мишка? Который от гуся вчера на ведро залез?
Тётя Валя задумалась.

— Вот и пойми теперь мужиков!

Разговор у колодца

Вечером Настя стирала закопчённую рубашку. Тэ Джун сидел рядом на лавочке. Руку ему перевязали в районной больнице; врач велел следить за ожогом и не перенапрягаться после отравления дымом.

— Миш, а ты правда ничего не помнишь про нашу жизнь?

— Кое-что помню.

— А меня?

— Что именно?

— Помнишь, как мы первый раз поцеловались?

В голове Тэ Джуна вспыхнуло воспоминание: осенний вечер, дождь, остановка возле сельского клуба. Миша смеётся, Настя сердится, потому что он обрызгал её из лужи. Потом целует её.

— Возле клуба. Под дождём.

— Да... А помнишь, что ты тогда сказал?
Слова не приходили.

— Нет.

— Ты сказал, что никогда меня не бросишь.

Она смотрела на него так, будто ждала повторения обещания. Но он не мог его произнести: собирался вернуться в Корею.

— Настя...

— Не надо. Я знаю, что после аварии всё изменилось. Просто иногда мне хочется, чтобы всё стало как раньше.

Она ушла в дом. Тэ Джун остался возле колодца. «Как раньше...» Он посмотрел на руки Михаила — человека, который обещал Насте вечную любовь, а потом предал её и погиб.

Неожиданный свидетель

Поздно вечером Иван Петрович вернулся к сгоревшей ферме. Возле задней стены стоял сторож Егор Матвеевич.

— Ну что, дед Егор, как думаешь, от чего загорелось?

— Не знаю, Петрович.

— Проводка?

— Может, и проводка.

— А чего мнёшься?

— Перед пожаром машина возле фермы стояла.

— Какая машина?

— Не наша. Легковая. Тёмная.

— Номер видел?

— Нет. Далеко было.

— А люди?

— Один выходил. Возле сеновала крутился.

— Ты уверен?

— Глаза старые, Петрович. Но машину я видел.

— Завтра расскажешь это милиции.

Вторая жизнь

Ночью Тэ Джун стоял возле зеркала. Смотрел на чужое лицо, повязку на руке, старую рубашку, которую Настя повесила возле печки. Ещё несколько дней назад он считал этих людей бедными, необразованными, незначительными. Но сегодня они бросились спасать животных, хотя сами едва сводили концы с концами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.